

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

Д.Ю. КУРАКИН

НА ПУТИ К ПОЗДНЕДЮРКГЕЙМИАНСКОЙ ПРОГРАММЕ КУЛЬТУРСОЦИОЛОГИИ: ПЕРЦЕПЦИЯ «ЭЛЕМЕНТАРНЫХ ФОРМ» Э. ДЮРКГЕЙМА В СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

В работе рассматривается один из наиболее примечательных сюжетов современной социальной теории: признание дюркгеймианской социологии фундаментальным ресурсом интерпретативистского теоретизирования. В частности, «Элементарные формы религиозной жизни» рассматриваются как основополагающая работа для сильной программы культурсоциологии. Интрига состоит в том, что такое прочтение в корне противоречит традиционному антиинтерпретативистскому атрибутированию наследия классика. Для разрешения этого парадокса внимание перенесено с истории развития теории на особенности ее перцепции. Критическое рассмотрение длительной и неоднородной истории прочтений «Элементарных форм» позволяет приблизиться к пониманию причин и особенностей драматической смены перспективы в перцепции главной работы Дюркгейма, а также наметить некоторые положения «нового дюркгеймианства». Наиболее важные из этих положений: признание позднего дюркгеймианского проекта, центральная роль категории сакрального и принципиальное дистанцирование от парсонсовской традиции.

Ключевые слова: культурсоциология, позднедюркгеймианская программа, сакральное, «Элементарные формы религиозной жизни»; автономия культуры, ориентированная на смысл социология; символические процессы.

Куракин Дмитрий Юрьевич — руководитель рабочей группы по культурсоциологии в рамках Центра фундаментальной социологии Государственного университета – Высшая школа экономики, преподаватель факультета философии ГУ – ВШЭ. **Адрес:** Москва, ул. Петровка, 12, оф. 182. **Электронная почта:** kourakine@yandex.ru

Ориентированное на культуру теоретизирование является одним из наиболее динамично развивающихся направлений современной социологии. Среди целого ряда подходов, разворачивающих социологическое рассуждение «о культуре», выделяется теоретический проект культурсоциологии¹ (cultural sociology), рассматривающий культуру не как один из объектов социологического анализа, а как наиболее важную характеристику социального, определяющую базовый модус социологического рассуждения. Иными словами, культура, указывая на определенное видение социальной реальности, предстает в качестве организующего принципа, формирующего теоретическую оптику социологического исследования, а подход в целом обретает статус общей социологической теории.

В самом общем виде упомянутая фундаментальная характеристика социальной жизни заключается в ее осмысленной природе, что, на парадигмальном уровне, подразумевает включенность культурсоциологии в широкие ряды интерпретативной, или понимающей социологии. Именно это обстоятельство ставит культурсоциологию в радикальную оппозицию к различным версиям социологии культуры, поскольку, если культура выступает как *объект* исследования, то базовой эпистемологической операцией является ее объяснение через что-то иное, внеположенное области смысла. Принцип, гарантирующий культурсоциологию от подобной редукции, специфицируется в тезисе «автономии культуры». Этот тезис является центральным для исследовательской программы и подразумевает наличие у символических классификаций, кодов и прочих форм смысловой реальности причиняющей силы по отношению к другим элементам социальной жизни. Как следствие, центральной задачей проекта становится экспликация и истолковывающее объяснение механизмов воздействия этой причиняющей силы.

Принципиальное решение задачи такого масштаба предполагает подключение большого теоретического ресурса. Этот ресурс усматривается в так называемой «поздней дюркгеймианской программе»².

¹ В данной работе мы исходим из положений так называемой «сильной программы» культурсоциологии, разрабатываемой в рамках исследовательской группы под руководством Джеффри Александера, см., например: [4].

² Несмотря на то, что, начиная с середины 1980-х гг., и, в особенности, со времени публикации второго полного английского перевода «Элементарных форм религиозной жизни» в 1995 г., устанавливается широкий консенсус по поводу обособления «позднего проекта» Э. Дюркгейма из совокупности его интеллектуального наследия, следует отметить, что в настоящее время существует и альтернативная позиция, утверждающая неразрывную преемственность между четырьмя «большими» работами классика. В частности, критика концепции

Социологическая теория познания, обосновывающая социальное происхождение категорий познания, подробная экспликация механизмов действия ритуала и их связь со структурой символических классификаций — таковы основные элементы арсенала дюркгеймианской социологии, развернутого в рамках последней большой работы классика — «Элементарных форм религиозной жизни» (далее — «Элементарные формы»). Именно этот арсенал положен в основание программы культурсоциологии.

Такой разворот теоретической перспективы содержит интригу. Среди характеристик, традиционно приписываемых социологии Э. Дюркгейма — «натуралистическая», «объективистская», «позитивистская», «функционалистская» и т. п., — едва ли можно обнаружить хотя бы одну, которая бы не находилась в прямой оппозиции к понимающей, интерпретативистской традиции. И, хотя «Элементарные формы» внесли наименьший вклад в этот образ, за семидесятилетнюю историю их прочтения, со времени публикации работы в 1912 г. до 1980-х гг., социологическая мысль не помещала эту работу в основание интерпретативистски-ориентированной теории. Это обстоятельство вынуждает нас в реконструкции истории идей перенести акцент с исследования автобиографических, институциональных и содержательных³ обстоятельств *выдвижения* научных постулатов на историю их *прочтения*. В данной работе мы ставим перед собой задачу историко-идейной реконструкции утверждения «Элементарных форм» в качестве центрального ресурса построения ориентированной на культуру социологии.

Э. Дюркгейм между теоретическим аргументом и историко-этнографической скрупулезностью

Смыслы, вкладываемые авторами в свои научные теории, далеко не всегда совпадают с логикой их последующего развития, как минимум, по причине, на которую указывал Поль Рикёр: в письменном дискурсе интенция автора не совпадает со смыслом текста [27, р. 95]. В сфере научных и философских текстов это связано, прежде всего, с влиянием изменяющегося со временем контекста — как логического,

«поздней дюркгеймианской программы» лежит в фундаменте переживаемой «второе дыхание» исследовательской программы этнометодологии [26].

³ Чтобы убедиться в том, что именная такая перспектива реконструкции теории идей является доминирующей в современной теоретической историографии, достаточно обратить внимание на расцвет жанра интеллектуальной биографии. В работах этого жанра особенности личной жизни автора и карьерно-институциональные обстоятельства фигурируют как рядоположенные и равноправные причины формирования научных тезисов, наряду с их теоретическими предпосылками.

так и институционального, — что в высшей степени характерно для социологии Дюркгейма. Это не удивительно, учитывая, с одной стороны, довлеющую над классиком сверхзадачу обосновать социологию как автономную научную дисциплину, а с другой — особенности современного ему идейного ландшафта, главным образом, сильнейшую вовлеченность научного знания в сферу политической борьбы⁴.

Для социального теоретика, деятельность которого не ограничивается задачами и добродетелями историографического исследования, из такого положения дел следует императив «сдержанного» отношения к интенции автора как к последней инстанции при интерпретации положений созданной им теории⁵. Однако то, что верно в отношении интенции автора, тем более распространяется на интенции читателей. В этом отношении весьма примечательно, что именно изменениям, происходящим в идейном контексте, мы во многом обязаны такому феномену, как «ренессанс» классиков. И оригиналу 1912 г., и опубликованному тремя годами позднее первому английскому переводу, как отмечает в этой связи М. Дуглас, с контекстом повезло меньше, нежели второму переводу «Элементарных форм», вышедшему в 1995 г. [8, р. 467].

Вероятно, именно особенностями идейного контекста объясняется выбор названия главного труда Дюркгейма, способного ввести в серьезное заблуждение. Так и произошло: как свидетельствует М. Дуглас, специалисты, не имеющие интересов в области религиоведения, оказываются дезориентированными ярко выраженным уклоном в сферу религиозных практик австралийских аборигенов [8, р. 467]. Антропологи, этнографы и религиоведы, в свою очередь, находят массу изъянов в теоретически-ориентированном труде кабинетного ученого, далекого от канонов полевого исследования. Возможно, история чтения «Элементарных форм» сложилась бы иначе, если бы Дюркгейм остановился на первоначальном варианте названия: «Элементарные формы мышления и религиозной жизни» [20, р. 407].

Весьма показательно в этом отношении сопоставление рецензий на первое французское издание (1912) и первый английский перевод

⁴ В отношении этой ангажированности Дюркгейм, чей академический успех состоялся в большой степени благодаря «делу Дрейфуса», явно не был исключением.

⁵ К тому же, это избавляет нас от проблемы поиска рецепта аутентичного прочтения, которой поистине одержимы некоторые критики. В качестве примера можно указать на споры о том, должен ли исследователь иметь французское или еврейское происхождение, чтобы иметь шанс исчерпывающим образом постигнуть теоретическую мысль Дюркгейма. В разное время в отсутствие первого упрекали С. Люкса, в отсутствие второго — Э. Гидденса [25, р. 62-63; 22].

(1915) «Элементарных форм», с одной стороны⁶, и рецензий на второй английский перевод (1995) — с другой.

Реакция современников на «Элементарные формы» и первый английский перевод

Среди авторов рецензий «первой волны» тон задают антропологи. Наиболее заметные и влиятельные рецензии принадлежат Арнольду ван Геннепу и Брониславу Малиновскому, а также Эдвину Сидни Хартланду, Александру Гольденвейзеру и Улиссу Уэзерли. Рецензии, опубликованные социологами, явно отходят на второй план и практически теряются на фоне антропологически ориентированного отклика. Этот перевес имеет не только количественное, но и качественное измерение. Если, с известной долей условности, различать в работе Дюркгейма социологическую и антропологическую составляющие, первая находит свое отражение в рецензиях, в основном, в жанре реферирования, тогда как вторая — в жанре полноценного критического обсуждения. Такой характер критического теоретизирования отражает центральную перспективу перцепции работы Дюркгейма современным ему научным сообществом. Что косвенно подтверждает тезис М. Дуглас о дезориентировании социологов названием главной работы Дюркгейма.

Критика ван Геннепа носит наиболее принципиальный характер, концентрируясь, прежде всего, на вопросах подлинности этнографических материалов, на которые опирался Дюркгейм, и его источниковедческих техниках. Особенно резкие выпады ван Геннепа направлены именно на методы «кабинетной этнографии». Он упрекал Дюркгейма, что тот строит свою теорию на базе оказавшихся доступными ему этнографических данных, причем относится к источникам, как к священным текстам, подобно тому, как это делал бы специалист по классической филологии, комментируя античные тексты [11]. Это тем более примечательно, что сам ван Геннеп является таким же кабинетным ученым, как и Дюркгейм, по крайней мере, в той части, которая связана с материалом австралийских первобытных племен. И, подобно

⁶ В данном контексте нам представляется оправданным рассматривать рецензии на первый перевод Джозефа Суэйна вместе с отзывами на оригинальный текст. Это обусловлено тем, что первый английский перевод вышел всего через три года после опубликования «Элементарных форм» на французском языке, еще при жизни самого Дюркгейма. Не менее важно и то, что перевод Суэйна — это перевод ученика и последователя, что, по мнению современников, можно рассматривать как своего рода гарантию «выверенного», хотя зачастую и в ущерб стилистической стороне дела, перевода (см., например, [13, р. 109], или [15, р. 79]). При этом рецензии на французский оригинал и английский перевод нередко принадлежали одним и тем же авторам.

Дюркгейму, его собственный вклад в науку связан почти исключительно с предложенными им концептуальными схемами⁷.

С этнографической критикой ван Геннепа солидаризируются и другие критики, в частности, Александр Александрович Гольденвейзер, который на протяжении своей полемически ориентированной рецензии скрупулезно фальсифицирует этнографические референты теоретико-социологических построений Дюркгейма [13, 14]. От нашего внимания не должно ускользнуть то обстоятельство, что эти теоретические построения, имеющие, с точки зрения современного читателя «Элементарных форм», статус идеально-типических конструкций, Гольденвейзер рассматривает, напротив, как предпосылки индуктивного вывода. Прежде всего, под удар критики, как и во многих других случаях, попадает соответствие разработанной Дюркгеймом модели тотемического клана реальным практикам австралийских первобытных сообществ.

Эти и подобные им критические аргументы восходят к принципиальной разнице в характере теоретизирования. Базовыми операциями антропологической перспективы в современной «Элементарным формам» науке остается обобщение, классификация и выделение типов по критерию их продуктивности для описания возможно большего числа наблюдаемых фактов жизни первобытных сообществ. Типы, выделенные в результате такой генерализации, и их связь с наблюдаемыми фактами весьма далеки от веберовского образца идеально-

⁷ Как минимум отчасти резкий отзыв ван Геннепа на «Элементарные формы» связан с его чрезвычайно проблематичными отношениями с Французской социологической школой и «*Année Sociologique*». Трудно сбросить со счетов тот факт, что ван Геннеп, будучи современником и практически соотечественником Дюркгейма и Мосса, придерживаясь весьма близкой теоретической перспективы и работая с тем же этнографическим материалом, был отлучен от школы Дюркгейма и, как следствие, французского социологического мейнстрима. Ни Дюркгейм, ни его ученики никак не отреагировали на выпады ван Геннепа в адрес «Элементарных форм». Как свидетельствует С. Люкс, со ссылкой на личную коммуникацию с М. Дави, Дюркгейм и его последователи попросту «не принимали его всерьез» [20, р. 524]. При этом имеются свидетельства о содержательной коммуникации ван Геннепа с членами группы *Année Sociologique* в период, предшествующий выходу «Элементарных форм» [6, р. 141]. Наиболее дискуссионными вопросами были концептуализация модели тотемизма и полемика о первобытности племен Австралии, в которой ван Геннеп отстаивал позицию, противоположную позиции Э. Дюркгейма (хотя с последним в этом вопросе солидаризовались некоторые видные антропологи, в частности, Э.С. Хартланд). Эти претензии ван Геннепа легли в основу критики в рецензии на «Элементарные формы» [11, 12].

типического вменения, ориентированного на логическое смысловое единство реконструкции — то есть единство, охватывающее элементы объяснительной схемы, а не общность зарегистрированных фактов. Эти факты, в отношении которых производится операция обобщения, фиксируются наблюдателями исходя из различений, основы которых не эксплицированы и не проблематизируются. Фактически, речь идет о методической работе, основным императивом которой является процессуальная эффективность инструментария, тогда как более широкие вопросы методологии и социальной теории остаются в тени.

Дюркгейм разворачивает свою теорию принципиально противоположным образом. Социальные факты, с методологической точки зрения являющиеся основным объектом теоретизирования Дюркгейма, не сводятся к каким бы то ни было обобщениям, а их связь с отдельными наблюдаемыми событиями принципиально иная. Прежде всего, они представляют собой сущности *sui generis*, относящиеся к фундаментальным основам устройства общества, и включены в отношения между однородными им объектами. Основной методологический постулат, согласно которому социальные факты должны рассматриваться как вещи, подразумевает, что они навязаны вниманию познающего субъекта так же, как, к примеру, объекты физической природы. Однако это обстоятельство отнюдь не роднит их с результатами генерализации, т. к. фиксация социальных фактов не сводится к непосредственному наблюдению. Хорошо известно, что такие социальные факты, как солидарность, доминирующий тип социальных связей и др., не даны непосредственно в опыте индивидуальным наблюдателям, иными словами, они являются *ненаблюдаемыми*. Даже тех случаях, когда мы склонны говорить о наблюдаемых социальных фактах, например, памятниках архитектуры, речь идет, строго говоря, о репрезентациях объектов, относящихся к социальной реальности. Что же касается связи социальных фактов и индивидуальных представлений (включая наблюдения участников социальных взаимодействий), они, согласно Дюркгейму, соотносятся как сущность *sui generis* и ее субстрат (см. [9]).

Таким образом, ряды фактов, с которыми соотнесены разрабатываемые модели, принципиальным образом разнятся в случае Дюркгейма и антропологически и этнографически ориентированных исследователей. Социальному факту рядоположены другие сущности *sui generis*; факту этнографического наблюдения — другие конкретные зарегистрированные события. Разнятся и базовые операции логического вывода. Следовательно, различаются и сами критерии продуктивности теоретизирования. Этнографы и антропологи исходят из продуктивности понятий теории как ресурса производства таких описаний наблюдаемых событий, которые не противоречат интуиции «просвещенных» наблюдателей, подобных шюцевским «хорошо информированным

гражданам». Дюркгейм — из увеличения объяснительной силы теории, которая направлена не на конкретные сообщества, а на общие принципы построения общества.

Критика Б. Малиновского концентрируется на концептуальном уровне, однако постановка вопроса обнаруживает его приверженность индуктивистским моделям объяснения. Так, дюркгеймовскую модель зарождения сакрального — как манифестации социального через механизм возбуждения (*effervescence*) Малиновский рассматривает в терминах анализа поведения «религиозно-инспирированной толпы» [21] — заменяя ключевую объяснительную схему социального взаимодействия описанием поведения конкретного объекта наблюдения — «толпы». Социологический проект Дюркгейма прочитывается скорее в духе мнимой коллективной психологии. Ясно, что речь опять-таки идет о разных объектах теоретизирования.

Модусы рецепции дюркгеймианской традиции в период между двумя английскими переводами «Элементарных форм»: проблема классики и влияние границы языковых сред

Между двумя английскими переводами «Элементарных форм» прошло 80 лет, существенным образом изменился контекст социологического теоретизирования. Если придерживаться логики периодизации истории социологического знания, предложенной Ю.Н. Давыдовым, социологический мир пережил два длительных периода доминирования «кризисного сознания», во время которых положение дюркгеймианской традиции, в основной своей части тяготеющей к «стабилизационному» тренду, было весьма затруднительным. Действительно, хотя и существуют образцы дюркгеймианского теоретизирования, по всем признакам относящиеся к «кризисному», деконструктивистскому образцу социологического рассуждения⁸, в целом постдюркгеймианская социология развивалась, главным образом, в периоды расцвета «стабилизационного сознания».

Серьезные изменения затронули и языковой аспект воспроизводства социологического знания, который в социологии породил интригу, по своей значимости не уступающую отмеченному Ю.Н. Давыдовым противоборству кризисной и стабилизационной традиций теоретизирования. Нельзя сказать, что англоязычный научный мир не участвовал в создании социологического проекта. Как известно, первый в мире факультет социологии был открыт в Чикаго, а не в Бордо, и не в Гейдельберге. Но среди классиков формирующегося проекта социологии были представлены исключительно континентальные мыслители. Однако само четкое обособление пантеона

⁸ Прежде всего в этой связи стоит упомянуть «Социологический колледж» Жоржа Батая и Роже Кайуа.

классиков во многом является феноменом языковым, а точнее, трансязыковым. И полем этого обособления было именно англоязычное публикационное пространство. По-видимому, лишь языковое дистанцирование способно было превратить диффузные и изменчивые дисциплинарные контуры национальных школ в отчетливо демаркированные образцы теоретизирования.

Действительно, к примеру, французская национальная социологическая традиция, при относительном доминировании школы *Année Sociologique*, все же допускала ее активное сосуществование с альтернативными школами и теоретиками, к примеру, такими, как Габриель Тард. Это сосуществование было активным, поскольку альтернативные школы существовали отнюдь не в форме анклавов: имела место научная коммуникация, широкое обсуждение основ построения и развития социологического знания. В частности, можно упомянуть жаркую полемику между Дюркгеймом и Тардом, состоявшуюся в *Ecole des Hautes Etudes Sociales* в 1903 г. Помимо институциональных условий развития научной коммуникации, этому способствовала и единая языковая среда. Иными словами, ни открытое представление научной позиции, ни артикуляция выбора между альтернативами со стороны научного сообщества, не требуют дополнительных усилий, подобных тем, какие представляют собой организация и представление перевода. И наоборот: сам факт перевода научной работы на другой язык или ее акцентированное привлечение в качестве ресурса является артикуляцией теоретического выбора, провозглашением научной позиции. Как известно, в англоязычном социологическом пространстве главным выразителем позиций классической, континентальной социологии стал Т. Парсонс (формирование «свода классиков» и влияние Парсонса на этот процесс широко отрефлексировано в социологической мысли⁹). Именно его теоретическая позиция во многом предопределила распределение позиций в своде классиков социологии.

Влияние этого осуществленного выбора, катализированного границей языковых сред, на современную социологию остается столь существенным, что сама идея переосмыслить итоги полемики Дюркгейма и Тарда в пользу последнего выглядит, да и позиционируется как сугубо ревизионистская¹⁰. Убедиться в этом несложно. Достаточно

⁹ В качестве иллюстрации можно рассмотреть работы Питера Бэра (Peter Baehr), посвященные роли Т. Парсонса в формировании социологического «мейнстрима», и специальный выпуск журнала «Current Sociology» (Vol. 42. No. 1. 1994), подготовленный под его редакцией. Спецвыпуск посвящен проблемам формирования социологической классики и ее роли в современном воспроизводстве социологического знания.

¹⁰ Среди наиболее заметных попыток стоит отметить работы Бруно Латтура, см., к примеру [18].

обратить внимание на риторический статус таких попыток. «Многие ли нынче читают Тарда?» — так Эдвард Тириакийн в рецензии на английский перевод Г. Тарда перефразирует цитату, которой Парсонс открывает «Структуру социального действия» [31]. «Никогда не поздно читать Тарда» — как будто бы в ответ провозглашает Бруно Латур в роли колумниста популярного издания [19]. Из совсем недавних событий можно упомянуть «теоретический театр» Б. Латура, в котором он, в роли Тарда, участвовал в розыгрыше упомянутой нами полемики (конференция «Тард/Дюркгейм: Траектории социального», Кембридж, 2008 год¹¹). Показателен даже тот факт, что содержание самой полемики оказалось весьма трудно реконструировать из-за отсутствия исчерпывающих документальных свидетельств¹².

Наконец, существенно трансформировалась сама пост-дюркгеймианская традиция. Пафос социологизма, характерный для начала XX в., когда во главе угла стояла задача автономизировать социологическое знание, уступил место совсем иным тенденциям. Среди них обращают на себя внимание два принципиально разных подхода к социологическому проекту Дюркгейма как к ресурсу. В первом случае в качестве наиболее востребованного актива выступает конвенциональный базис, консенсус вокруг широкого ряда положений социологической теории, сформированный в рамках дюркгеймианской школы за время ее доминирования. Ссылки на эти положения служат в качестве не столько научной, сколько институциональной легитимации научно-исследовательских проектов. Второй подход заключается в содержательной опоре на теоретический ресурс дюркгеймианского проекта.

Показательным, хотя и далеко не единственным, примером первой тенденции может служить французская послевоенная социология, в которой существенную роль играли научно-исследовательские институты, перехватившие социологическую инициативу у университетов¹³ [2]. Так, едва ли мы всякий раз можем с уверенностью сказать,

¹¹ Английский перевод полемики доступен на сайте Бруно Латура: <http://www.bruno-latour.fr/expositions/TARDE-DURKHEIM-GB.pdf>

¹² Авторы данного научного «перформанса», отталкиваясь от материалов, представленных в сборнике переводов и статей Терри Кларка [30], реконструировали реплики Дюркгейма и Тарда — но лишь путем цитирования фрагментов их основных работ.

¹³ Мы имеем виду, в частности, такие новые, а также возобновившие свою активность в полтора послевоенных десятилетия институты, как Центр социологических исследований при Национальном центре научных исследований, Французский институт общественного мнения, Национальный институт демографических исследований, Секция экономических и социальных наук при Высшей школе практических исследований и Институт социальных наук о труде. Более подробно см. [2].

что оказало определяющее воздействие на эмпирическую направленность социологического проекта Дюркгейма, на который неизменно и почти ритуально ссылаются авторы исследований, или ведущие образцы заокеанской социологии, задающие интеллектуальный тренд в послевоенной социологии. Таким образом, в период доминирования социологических практик над серьезным интересом к теории, дюркгеймианская традиция оказывается весьма востребованной, хотя и не в той форме, на которую претендовал ее основатель.

Усиление содержательного интереса к «Элементарным формам» и проблема автономии культуры: от Парсонса к новому дюркгеймианству

Во второй половине XX в. появляется целый ряд теорий, опирающихся на теоретический ресурс социологии Дюркгейма именно в содержательном плане. Строго говоря, дюркгеймианское теоретизирование никогда и не угасало в полной мере, однако в обозначенный период можно говорить о существенном повышении внимания социальных теоретиков к концепции Дюркгейма. Главным образом, это связано с таким масштабным и разнородным явлением, как «культурный поворот» (cultural turn). Даже если рассматривать «культурный поворот» скорее как «дух времени» и интеллектуальную моду, нежели стремление разрешить собственно теоретические проблемы и парадоксы, такое развитие событий требует возникновения внятных и валидных теоретических решений. Дюркгеймианский социологический проект, особенно в той части, которая связана с «Элементарными формами», представляет мощный теоретический ресурс для развития проектов, ориентированных на понятие смысла. Вследствие этого возникает ряд попыток построения теорий символических процессов, которые, с точки зрения теоретического ядра, можно рассматривать как дюркгеймианские, или постдюркгеймианские.

Перечисленные в предыдущем разделе аспекты воспроизводства социологического знания — историко-теоретический, языковой, институциональный и собственно содержательный — в целом определили существенное изменение контекста восприятия «Элементарных форм» к моменту выхода второго полного английского перевода работы. Если над первым переводом и его перцепцией в научном сообществе довели обозначенные нами выше ситуативные факторы, то второй был предвосхищен содержательным запросом со стороны социальной теории. Действительно, к моменту выхода в свет перевода Карен Филдс усиленный интерес к познедюркгеймианскому проекту развивался и укреплялся уже более десяти лет. Публикация перевода была настолько своевременной, что на него не замедлили позитивно отреагировать крупнейшие теоретики, имеющие специальный интерес к социологии Дюркгейма, такие как Мэри Дуглас и Джеффри Александер.

Специальный интерес к «Элементарным формам» возник в связи с линией теоретизирования, поставившей во главу угла критику сведения логики культурных содержаний к факторам и силам, внеположенным области смысла как таковой. Одним из главных апологетов этой линии является Джеффри Александер. Учитывая марксистские и критико-социологические корни «культурных исследований» (cultural studies), антиредукционистская позиция автоматически ставила себя в оппозицию мейнстриму «культурного поворота». Столь решительная оппозиция подразумевала необходимость подключения серьезного теоретического ресурса. Этим ресурсом стала социология Дюркгейма.

В качестве базового положения обсуждаемой традиции теоретизирования, исключаящего редукционистское объяснение культурных содержаний внесмысловыми факторами, был выдвинут тезис «автономии культуры». Этот тезис утверждает наличие у объектов смысловой реальности причиняющей силы, которыми они обладают по отношению к социальной жизни, которая, опять-таки, понимается как имеющая смысловую природу. Таким образом, каузальные ряды социологического объяснения замыкаются рамками сферы смысла. В этих построениях отчетливо просматривается один из главных методологических тезисов Дюркгейма, предписывающий объяснять социальное через социальное, избегая психологической, биологической и прочих редукций.

Тем не менее, обозначенная преемственность нового культурного теоретизирования и социологии Дюркгейма проясняет не меньше, чем оставляет в тени. Прежде всего, неочевидно, почему именно дюркгеймианский социологический проект, в преимущественном тезаурусе которого отсутствовали понятия «смысл» и «культура», центральные для разворачивающейся культурно-ориентированной социологии, должен был стать базовым теоретическим ресурсом последней. Ответ может показаться очевидным, достаточно лишь принять во внимание научный «бэкграунд» апологетов этой социологии, и, прежде всего, Джеффри Александера, чтобы предположить, что медиатором дюркгеймианской традиции, сделавшим ее совместимой с ориентированной на смысл традицией в социологии, был Толкотт Парсонс. Именно он сделал возможным и вообще мыслимым подобное обращение к дюркгеймианской социологии.

Но тогда почему именно Парсонс, первый современный социолог и последний классик, не стал главным теоретиком культуравтонии? Тем более что само понятие «автономия культуры» было вброшено в социологический дискурс именно им!

Один из виднейших последователей Парсонса Джеффри Александер разрешает обозначенную дилемму в специальной работе, посвященной проблеме автономии культуры¹⁴ [5]. Последовательная и

¹⁴ Работа представляет собой вводную статью к сборнику «Культура и общество: современные дебаты» (см. русский перевод статьи [1]).

скрупулезная кодификация философских и социологических ресурсов, осуществленная в данной работе, явилась одним из важнейших предпосылок развертывания проекта культурсоциологии (cultural sociology) — чувствительной к смыслу традиции, ставящей во главу угла тезис автономии культуры в каузальном смысле. Но основная ценность работы обусловлена даже не тем, что Александер осуществил инвентаризацию наиболее влиятельных социологических традиций, но, скорее, тем, что проблема смысла как базовой категории культурно-ориентированного теоретизирования в социологии эксплицирована настолько отчетливо, что позволяет провести более детальную демаркацию релевантных теоретических ресурсов. Логика этой демаркации проистекает из фундаментальной для социологии парадигмальной (в терминах Т. Куна [17]) оппозиции механистической vs. субъектно-ориентированной (subjective), или позитивистской vs. интерпретативистской традиций. Одним из наиболее значимых и неожиданных итогов проведения этой демаркации является то, что Т. Парсонс оказывается «по ту сторону баррикад» по отношению к культурно-ориентированной традиции в социологии. Примечательно здесь и то, что способ рассуждения Александера позволяет уверенно сформулировать вывод, противоположный тому, что следует из собственных деклараций Парсонса.

Поводом для этого становится способ, которым Парсонс соотносит аналитически автономные уровни единой эмпирической реальности. Тезис аналитической автономии, указывает Александер, дает Парсонсу «возможность выхода за рамки механистически-субъективистской дихотомии без отрицания аргументов любой из сторон» [1, с. 20]. Однако если обратиться непосредственно к оперированию понятиями, связанными с соотношением культурного и социального уровней, вместо таких понятий, как «смысл» и «символ», мы обнаружим понятие «ценность». Замена позиционируется как уточняющая и сужающая «сферу культурного интереса социологов» [1, с. 20], однако на деле означает переход к объяснительным средствам механистической традиции, поскольку редуцирует символические процессы к институциональным образцам, соответствующим конкретным проявлениям социальных структур, таким как неравенство, собственность, господство и пр. В итоге, указывает Александер, «результат имеет довольно иронический характер: понятия, разрабатываемые в рамках ценностного анализа с целью исследования смыслов, в значительной степени зависят от вокабуляра, разработанного для механистического, исключительно социального анализа. Что касается таких собственно символических феноменов, как ритуал, сакрализация, осквернение, метафора, миф, нарратив, метафизика и код, функционалистский анализ может поведать о них весьма немного» [1, с. 20-21].

Таким образом, освоение теоретических ресурсов формирующейся традиции образует любопытную интригу: собственные работы

Парсонса, пролившего свет на культурно-чувствительное прочтение Дюркгейма, при ближайшем рассмотрении, оказываются за пределами круга культурсоциологических ресурсов первостепенной важности. В работе, написанной Джеффри Александером совместно со своим учеником и сподвижником Филиппом Смитом, соавторы раскрывают эту интригу, указывая на то, что Парсонс воспринял так называемую *позднюю программу Дюркгейма* еще в «Структуре социального действия» [24], что означало «на десятилетия опередить свое время» [29, р. 586]. Однако Парсонс пренебрег этим ресурсом в пользу более уместного для собственной концепции функционалистского прочтения «Элементарных форм».

Реконструируя историко-идейную составляющую поворота к чувствительному к смыслу прочтению Дюркгейма, Смит и Александер отстаивают тезис, что переломный момент в восприятии «Элементарных форм», хотя и не распознанный в качестве такового в свое время, был обусловлен выходом статьи Эдварда Шилза и Майкла Янга «Смысл Коронации» [28]. Значимость этого события заключается в том, что Шилзу и Янгу удалось реализовать интенцию самого Дюркгейма и направить ресурс его социологической теории на реальность современного общества. Однако в еще большей степени Смит и Александер склонны акцентировать разрыв Шилза с «парсонсовским лагерем», в котором он сам занимал видное место (как и, в известной мере, комментирующий это Александер). Суть этого разрыва, который, безусловно, не позиционировался как таковой во время публикации работы Шилза и Янга, заключается в осторожной, но принципиальной критике парсонсианской линии культурного теоретизирования.

Таким образом, ранняя работа Шилза, посвященная коронации, положила начало *новому дюркгеймианству* (*new ways of being durkheimian*) [29, р. 583]. Эту линию продолжили такие теоретики, как Роберт Беллах с его концепцией гражданской религии [7], Эдвард Тириахьян с его интересом к оккультным и эзотерическим феноменам в их связи с концепцией сакрального [31], и, главным образом, Клиффорд Гирц с его культурно-чувствительным и герменевтически ориентированным прочтением «Элементарных форм» [10]. Важно отметить, что Ф. Смит и Дж. Александер недвусмысленно увязывают первенство Клиффорда Гирца в развертывании дюркгеймианского ресурса на базе «Элементарных форм» в 1970-е гг. *с наиболее принципиальным дистанцированием* от социологии Т. Парсонса.

Конечно, восхождение звезды «Элементарных форм» нельзя объяснить исчерпывающим образом, ограничиваясь обзором истории теоретических воззрений постпарсонсианской социологической традиции. Среди других компонентов культурного поворота в целом и поворота социологии к понимающему типу исследования (“*verstehen-type of inquiry*” — [29]) следует отнести усвоенные культурсоциологией успехи

родственных дисциплин. К такого рода «успехам» сторонники культурсоциологического теоретизирования относят, прежде всего, активно развивающееся антропологическое направление, представленное Виктором Тернером, Мэри Дуглас и др., а также ориентированные на дюркгеймианскую социологию направления литературного критицизма, историографии, семиотики, философии нарратива, постмодернизма.

Заключение

В заключение следует сформулировать несколько важных выводов, связанных с традицией нового дюркгеймианского теоретизирования.

1. Характерной чертой нового дюркгеймианства является консенсус — в одних случаях эксплицитный, в других неартикулированный — вокруг выделения «позднего дюркгеймианского проекта» из социологии Дюркгейма и признания «Элементарных форм» главной и переломной работой классика.

2. Центральным понятием формирующейся традиции является *сакральное*. Работы Шилза, Беллаха, Тириакаяна, Гирца и др., задающие тон в дюркгеймианском культурном повороте в 1960–1970-е гг., выстраивают теоретическую логику именно вокруг этого понятия.

3. Продуктивность использования ресурса «Элементарных» форм и нового дюркгеймианского теоретизирования в целом ставится в прямое соответствие с разрывом с парсонсианской традицией.

В данной работе мы попытались эксплицировать некоторые примечательные особенности перцепции «Элементарных форм» в социологической мысли. С точки зрения современной социологии актуальность и значимость этой работы в качестве ключевого теоретического ресурса культурно-ориентированной традиции очевидна. Интрига же состоит в том, что многие десятки лет эта сторона социологии Дюркгейма оставалась в тени. Дюркгейм как автор оказался далеко не так прост, как считали и по сей день считают некоторые «наивные» интерпретаторы. Анализируя контуры коллизий, в ходе которых наиболее продуктивной частью дюркгеймианской традиции оказалась противоположная той, которая долгие годы считалась «классической», мы ориентировались прежде всего на англоязычное публикационное пространство, задающее тон в современном социологическом мейнстриме. В интеллектуальной перспективе российского читателя представленные выводы могут показаться даже более неожиданными, поскольку переводы культурсоциологической традиции только начинают появляться, а «Элементарные формы» по-прежнему остаются единственной из больших работ классика, до сих пор не переведенной на русский язык. Как показывает история второго английского перевода, в настоящее время, с учетом плотности и напряженности теоретического контекста, такой перевод требует весьма значительных научных усилий.

Помимо этого в настоящей работе были очерчены некоторые особенности исследовательского проекта культурсоциологии, находящиеся в связи со спецификой «культурного» прочтения «Элементарных форм». Задача ближайшей перспективы — содержательный анализ основных положений и теоретических дилемм новейшей культурсоциологии, а также базовых категорий «Элементарных форм», получивших развитие в рамках этой исследовательской программы. Отдельной темой, лишь намеченной в данной работе и достойной более пристального внимания, представляется тщательная экспликация линий преемственности парсонсовского прочтения социологического ресурса, который представляет для ориентированной на культуру традиции социология Дюркгейма.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Александр Дж.* Аналитические дебаты: Понимание относительной автономии культуры / Пер. М. Шуровой; Под науч. ред. Д. Куракина // Социологическое обозрение. 2007. Том 6. № 1. С. 17–37.
2. *Гофман А.Б.* Переориентация французской социологии после 1945 г. Новые институциональные рамки // История теоретической социологии: В 4 т. / Отв. ред. и сост. Ю.Н. Давыдов. Т. 3. М.: Канон +; Реабилитация, 2002. С. 334–336.
3. *Дюркгейм Э.* Представления индивидуальные и представления коллективные // Социология. Её предмет, метод, предназначение / Пер. с фр., сост., послесл. и примеч. А.Б. Гофмана. М.: Канон, 1995.
4. *Alexander J., Smith P.* The strong program in cultural sociology // The handbook of sociological theory / Ed. by J. Turner. New York: Kluwer, 2001.
5. *Alexander J.C.* Understanding the “relative autonomy” of culture // Culture and society: Contemporary debates / Ed. by J.C. Alexander, S. Seidman. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. P. 1–27.
6. *Belier W.W.* Arnold Van Gennep and the rise of French sociology of religion // Numen. 1994. Vol. 41. No. 2. P. 141–162.
7. *Bellah R.* Civil religion in America // Daedalus. 1967. Vol. 96. No. 1. P. 1–21.
8. *Douglas M.* Review of “The elementary forms of religious life by Emile Durkheim” // Contemporary Sociology. 1996. Vol. 25. No. 4. P. 467–469.
9. *Durkheim E.* The elementary forms of religious life / Transl. and with introd. by K.E. Fields. New York: The Free Press, 1995.
10. *Geertz C.* The interpretation of cultures. New York: Basic Books, 1973.
11. *Gennep A., van.* Review: E. Durkheim – Les formes élémentaires de la vie religieuse. Le système totémique en Australie // Mercure de France. 1913. Vol. 101. P. 389–391.
12. *Gennep A., van.* Review: E. Durkheim – Les formes élémentaires de la vie religieuse. Le système totémique en Australie // Durkheim on religion: A selection of readings with bibliographies / Transl. by J. Redding, W.S.F. Pickering; Ed. by W.S.F. Pickering. London: Routledge & Kegan, 1975. P. 205–208.
13. *Goldenweiser A.A.* Review of elementary forms of religious life: A study in religious sociology by Emile Durkheim / Transl. by J.W. Swain // The Journal

- of Philosophy, Psychology and Scientific Methods. 1916. Vol. 13. No. 4. P. 109–110.
14. *Goldenweiser A.A.* Review of Durkheim, The elementary forms of religious life // *American Anthropologist*. 1915. Vol. 17. P. 719–735.
 15. *Hartland E.S.* Review of the elementary forms of the religious life: A study in religious sociology by Emile Durkheim / Transl. by J.W. Swain // *Man*. 1916. Vol. 16. May. P. 79.
 16. *Hartland E.S.* Review of Durkheim, The Elementary Forms of Religious Life // 1913. *Man*. Vol. 13. No. 6. P. 91–96.
 17. *Kuhn T.S.* The Structure of scientific revolutions. Chicago: University of Chicago Press, 1962.
 18. *Latour B.* Gabriel Tarde and the end of the social // *The Social in Question / Ed. by P. Joyce*. London: Routledge, 1999.
 19. *Latour B.* Never too late to read Tarde [column] // *Domus*. 2004. October.
 20. *Lukes S.* Emile Durkheim. His life and work: A historical and critical study. Stanford: Stanford University Press, 1985.
 21. *Malinowski B.* Review of Durkheim, The elementary forms of religious life // *Folklore*. 1913. Vol. 24. P. 525–531.
 22. *Needham R.* Review of A. Giddens, Durkheim // *Times Literary Supplement*. 1978. Aug. 25.
 23. On the margin of the visible: sociology, the esoteric, and the occult / Ed. by E. Tiryakian. New York: Wiley, 1974.
 24. *Parsons T.* The structure of social action. New York: Free Press, 1937.
 25. *Pickering W.S.F.* The enigma of Durkheim's Jewishness // *Emile Durkheim: Critical assessments of leading sociologists / Ed. by W.S.F. Pickering*. London: Routledge, 2001. Vol. 1. P. 62–88.
 26. *Rawls A.W.* Durkheim's epistemology: The neglected argument // *American Journal of Sociology*. 1996. Vol. 102. No. 2. P. 430–482.
 27. *Ricoeur P.* The model of the text: Meaningful action considered as a text // *New Literary History*. 1973. Vol. 5. No. 1. P. 91–117.
 28. *Shils E., Young M.* The meaning of the coronation // *Sociological Review*. 1953. Vol. 1. Issue 2. P. 63–81.
 29. *Smith P., Alexander J.C.* Durkheim's religious revival [Review of The elementary forms of religious life, by Emile Durkheim / Transl. by K.E. Fields] // *American Journal of Sociology*. 1996. Vol. 102. No. 2. P. 585–592.
 30. *Tarde G., Clark T.N.* On communication and social influence: Selected papers / Ed. with an introd. by T.N. Clark. Chicago: University of Chicago Press, 1969.
 31. *Tiryakian E.A.* Review of the on communication and social influence, by Gabriel Tarde, ed. with an introd. by T.N. Clark // *The American Journal of Sociology*. 1971. Vol. 76. No. 6. P. 1146–1148.
 32. *Weatherly U.G.* Review of The elementary forms of the religious life: A study in religious sociology by Emile Durkheim, translated by J.W. Swain // *The American Journal of Sociology*. 1917. Vol. 22. No. 4. P. 561–563.